

Марлен Дитрих: Я становлюсь львицей, когда речь идет о защите моих друзей

Марлен Дитрих стала легендой еще при жизни, символом блеска и роскоши Голливуда. Талантливая певица, выступавшая на самых престижных сценах мира, законодательница моды, в корне изменившая представление о том, что может носить женщина. Возлюбленная Джозефа фон Штернберга, Джона Гилберта, Эриха Марии Ремарка, Жана Габена, Джеймса Стюарта. Близкая подруга Эрнеста Хемингуэя, Эдит Пиаф, Жана Маре, Жана Кокто, Марго Фонтейн. Славная кулинарка, талантливая писательница, бесстрашная участница второй мировой войны - вот сколько ассоциаций рождает ее имя!

С первых появлений на американском экране в «Марокко» и в «Голубом ангеле» она стала символом раскрепощенной женщины, свободно распоряжающейся своими чувствами. Страстный поклонник Дитрих Кеннет Тайнет, английский критик, писал, что она «олицетворяет секс без признака пола», а лучше сказать, многократно усиленный присутствием в его носительнице как мужского, так и женского начал.

Но перечитывая страницы ее дневников, которые легли в основу автобиографической книги «Азбука моей жизни», убеждаешься, что за раскованными внешними манерами скрывалось очень нежное, хрупкое существо, постоянно неуверенное в себе. Жизнь иногда предлагает нашему вниманию подобные парадоксы.

ля роли в фильме «Трагедия любви», - пишет Дитрих, - Рудольф Зибер предложил

обзавестись мне моноклем. По тем временам это считалось вершиной порока. Несмотря на это, мама дала мне монокль моего отца, который она хранила долгие годы.

Готовясь к съемкам, я старалась выглядеть старше, более опытной, репетировала дома в мамином платье и каждый день докладывала об успехах Рудольфу Зиберу, в которого влюбилась по уши со второй нашей встречи и оставалась влюбленной в течение многих лет. В платье матери, с волосами, завитыми в сотни кудряшек, - прической, сделанной усталым парикмахером, я появилась перед своим будущим мужем... Я была слепой, как летучая мышь, но монокль был на месте. Зибер, увидев меня, наверное, посмеялся в душе, но ничем не обнаружил этого. Более того, он предложил мне еще одну небольшую роль. Я полюбила его за то, что он был красивый, высокий, белокурый, умный. Он обладал всем, чтобы покорить молодую девушку.

Единственный его недостаток - он не интересовался «молодыми девушками»... В то время у него был пылкий роман с дочерью режиссера фильма, очень красивой женщиной, тоже киноактрисой. Что же касается меня, я страдала. Сцены с моим участием снова и снова повторялись, но он, я видела, не обращал на меня внимания.

Дома говорить обо все этом я не могла... Природа устроила так, что рядом с женщиной должен быть мужчина. Он думает логичнее, чем мы. Возможно, это заложено в клетках его мозга. И я совершенно определенно знаю: для решения различных проблем ясное мнение мужчины - лучшее средство привести в порядок собственную запутанную голову.

...Мама никогда не разрешала встречаться мне с Рудольфом вне студии, как бы часто он мне ни звонил, пытаюсь пригласить поужинать. Но он не сдавался. Он понял, что роль кокетки я играла только в фильме, а не была ею в жизни, иначе не стал бы так упорно преследовать меня. Мы обручились, а через год поженились. Но до свадьбы возле нас всегда был «гувернер» - мы никогда не оставались одни. Рудольфу надо было иметь терпение Иова, чтобы не обращать на это внимания...

...Я видела чудо - чудо создания фильма и исполнителя роли. Так было у Висконти с Хельмутом Бергером. Это запрограммировано, это не случайность. Фон Штернберг уже раньше создавал «звезд». «Леонардо камеры», как он сам называл себя, редко был доволен своим «материалом». Мной он был доволен. Я поступала так, как он того хотел, ни разу не спорила с ним, но он принимал мои советы, которые я старалась давать редко и только по существу. Короче говоря, я училась у него дисциплине, хоть и знала о конфликтах между ним и другими актерами.

Фон Штернберг писал: «Я не открыл Дитрих. Я - учитель, взявший в обучение прекрасную женщину, заботливо представляющий ее, усиливающий ее шарм, маскирующий ее недостатки, руководящий ею и в результате всего выкристаллизовавший подлинный образ Афродиты».

Я не понимала, что он хотел сделать из меня «звезду» первой величины. Но кем он только не был для меня! Он все брал на себя. Он был моим отцом, моим братом, моим духовным наставником. Он был всем - моим исповедником, критиком, учителем, советчиком, агентом, бизнесменом, менеджером, начиная от покупки «Роллс-Ройса» до найма шофера. Он учил меня тысяче всевозможных мелочей. Он не любил, когда я говорила о нем, но теперь, когда его нет, я могу сказать все...

...Если вы человек, который под словом «любовь» подразумевает исключительно любовь физическую, тогда, пожалуй, вам лучше захлопнуть эту книгу, об этом я не собираюсь рассказывать.

Физическая сторона любви у меня всегда была связана только с большим и глубоким чувством. Мне всегда претил принцип «сегодня здесь, завтра там».

Моя любовь к Хемингуэю не была мимолетной привязанностью. Нам просто не приходилось подолгу быть вместе в одном городе. Или он был занят какой-нибудь девушкой, или я не была свободна, когда был свободен он. А так как я уважаю права «другой женщины», я разминулась с несколькими удивительными мужчинами, как проплывают мимо светящиеся ночные корабли. Однако я уверена, что их любовь ко мне длилась бы гораздо дольше, если бы я была сама кораблем, стоящим в гавани.

...Нозль Коуард. Моя «дружеская любовь». Необыкновенная теплота и нежность, на которую способны только влюбленные, были лейтмотивом наших отношений. Никаких споров, никаких дискуссий, никакой попытки заставить, вынудить другого что-то сделать. Мы буквально ходили друг перед другом на цыпочках. Мы познакомились в середине тридцатых годов. В то время я была в Голливуде и увидела фильм «Негодяй» с Нозлем. Я позвонила ему в Лондон и представилась. В ответ он повесил трубку. Я перезвонила. Оказывается, он подумал, что его кто-то разыгрывает. Мы стали друзьями, хотя на первый взгляд я полная противоположность тому, что ему нравится: совершенно не светская, не очень остроумная, не любящая вечеринки, круг его знакомств. Я не смотрела на мир его глазами. И все же - мы были родственные души. Для него не существовало проблем...

...Что за наглядный и понятный образ! Судите сами: «Прежде чем влюбиться, научись ходить по снегу, не оставляя следов». Это турецкая поговорка...

Подготовила
ЕЛЕНА КУРБАНОВА.

Москва - 1954 г. - 24 мая - 9 ч.